

Джорджи

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Часть I. Правительница полумира (начало – 1453)	11
Часть II. Самый долгий сон (1453–1830)	129
Часть III. Взлет и падение Великой идеи (1830–1949)	175
Часть IV. Хилая демократия (1949 – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)	251
Послесловие	297
Благодарности	301
Дополнительная литература	302

ПРЕДИСЛОВИЕ

По пути в Фивы Эдип встретил Сфинкса, и на загадку дал ответ: «Человек». Услышав это простое слово, чудовище погибло. Много еще чудовищ нам нужно истребить. Задумаемся же об ответе Эдипа.

Йоргос Сеферис. Речь по случаю вручения ему
Нобелевской премии по литературе, 1963 г.

Задолго до того, как началась история, Зевс выпустил пару орлов навстречу друг другу, чтобы они облетели вокруг Земли. Место их встречи стало считаться серединой мира, и там был учрежден оракул, где произносились пророчества о будущих делах людей. Оракул находился в городе Дельфы, чуть западнее Афин, и тысячу лет в его храме звучали вещи слова.

Одна из Дельфийских максим, начертанных на стене храма, гласила: «Познай самого себя». Аристотель трактовал эту фразу так: человек, по своей природе «существо общественное»¹, вне общества становится «либо животным, либо божеством». Этот принцип лег в основу «демократии» — нового понятия о том, как людям следует управлять собой. Идея оказалась хороша, причем настолько, что самая здравая ее часть сумела пережить даже лютую гражданскую

¹ Цит. по: *Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*

войну, которая распахнула дверь для возвращения тирании. Казалось, что демократия не только указывает направление жизни, но и привносит в нее красоту и смысл. Она позволила мужчинам (в те времена исключительно им) не только управлять собой, но еще и создать великое искусство и науку.

Где бы ни оказывались греки, они приносили с собой идею о могуществе человека, а заходили они в своих странствиях очень далеко. Таким образом стала греческой империя Александра Македонского; так же стала греческой и Римская империя, которая потом спасла Европу от завоевания. Ренессансные дворы Северной Италии и философы эпохи европейского Просвещения черпали вдохновение в греческой цивилизации.

Запад обязан своей цивилизацией грекам. Часто мы говорим себе, что рассчитались с ними давно и сполна: в XIX в. поддерживали борьбу Греции за независимость и становление ее как государства; в XX в. были на ее стороне, когда она сопротивлялась нацистам, пережила послевоенный бум и вступала в Европейский союз. Однако и тогда, и теперь эта поддержка редко бывала бескорыстной, а подчас греческий народ платил за нее очень дорого. После Второй мировой Великобритания и Америка приложили руку к развязыванию гражданской войны в Греции, итогом которой стала полувекковая полоса политической нестабильности и тяжелейший среди стран с развитой экономикой финансовый кризис. Жесткими условиями, предложенными для «выхода» из него, Европа как бы дала Греции понять, что больше ничего ей не должна.

Это не так. Совсем скоро демократии предстоят небывалые еще в истории испытания. В своей нынешней, не лучшей форме она вряд ли их выдержит. Я написал эту книгу потому, что считаю историю греков — и древнюю, и новую, и новейшую — лучшей помощницей в том, чтобы, образно говоря, изобрести демократию заново.

ЧАСТЬ I

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

ПОЛУМИРА

(НАЧАЛО — 1453)

ГОМЕРОВСКИЙ ПЕРИОД

Божественные сущности не имели возникновения, поскольку вечно сущее не возникает; они существуют вечно...¹

Римский философ Саллюстий.
Книга о богах и о мире. IV в.

Идет тысячный год до нашей эры, и вы сидите у стены, сделанной из таких огромных валунов, поднять которые, кажется, под силу только гигантам. В ночном небе гремит гром, польхают молнии, резкие порывы ветра рассеивают искры от костра, у которого вы греетесь. Вас трясет от холода, в голове копошатся вопросы. Кто выстроил вот эту стену, у которой я сижу? Откуда берется гром? Как я научился разводить такой костер? Кому или, может, чему я обязан красотой и убожеством своего существования? Рядом с вами садится человек. Это бродячий сказитель, и он знает ответы. Всю ночь он будет давать их, читая стихи.

Он расскажет о Хаосе, который был, когда еще ничего не было, о первом кровосмесительном союзе, с которого начался мир. О том, как Гея (Земля) и ее сын Уран (Небо) произвели на свет двенадцать титанов — шесть мужчин и шесть женщин, — а еще особую породу одноглазых цик-

¹ Перевод Ю. А. Шичалина.

Работа гигантов: циклопическая кладка в Микенах
© *Wikimedia Commons, Berthold Werner*

лопов и сторуких великанов. Вот они-то и выстроили стену из огромных камней.

Один из титанов, Кронос, восстал против родного отца, оскопил его, потом женился на собственной сестре, Рее, и от этого союза появилось первое поколение греческих богов. Кронос пожирал собственное потомство, опасаясь, как бы с ним не сотворили то же самое. Вот почему Рея спрятала от супруга новорожденного Зевса и подсунула завернутый в пеленки камень. Зевс, повзрослев, напоил Кроноса отваром, от которого его стошнило, и он изверг из себя всех проглоченных им детей. Одержав победу в войне титанов, Зевс и вовсе сверг отца и, как велела традиция, взял в жены собственную сестру, Геру.

Разделавшись наконец со всеми титанами, Зевс с Герой и десятью старшими богами поселились на горе Олимп. Там они питались нектаром и амброзией и оттуда вмешивались в дела людей, отчего последним не всегда было хорошо. Так, вовсе не боги, а титан Прометей научил людей пользоваться огнем. Зевс разъярился настолько, что приковал его цепями к скале, и каждый день туда прилетал орел и выклевывал ему печень.

Потом настало время смертных героев. По большей части это были мужчины, и почти у каждого отец был богом. Персей, Эдип, Ясон и Тесей бились с гигантами, сфинксами, горгонами и драконами, чтобы людям жилось спокойно. Из цепей Прометея освободил их самый известный из всех героев, Геракл.

Греки обращались к богам, чтобы те объяснили им окружающий мир, ответили на вопросы: к чему гремит гром и сверкает молния, что значат землетрясения и засухи. Именно богов они благодарили за смену времен года и великолепие ночного неба. Например, они считали, что Млечный Путь, наша Галактика, появился на ночном небосводе, когда Гера отняла от груди огромного младенца Геракла. К богам люди обращались и за ответами на более простые вопросы: о переживаниях, мотивах и противоречиях, делающих нас теми, кто мы есть. Дело не было слишком трудным, поскольку боги были так же несовершенны, как и те, кем они управляли. Они тоже

Голова Горгоны. Архитектурное украшение с острова Тасос, ок. IV в. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

© *Wikimedia Commons, shako*

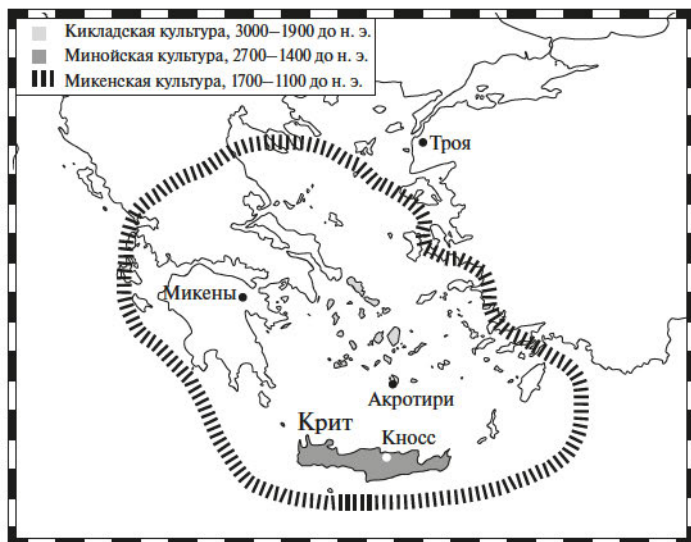
влюблялись, хитрили, пылали желанием, завидовали, мстили. Нравственное поучение было лишь одно, притом короткое и ясное: окажи гостеприимство (*ξενία*, *ксения*) любому, кто стучится в твою дверь, ведь в облике незнакомца может скрываться Зевс.

Вальтер Буркерт, видный специалист по древнегреческой мифологии из Германии, писал, что миф представляет собой «традиционное по форме повествование со вторым смыслом, практически соотнесенное с чем-либо, одинаково важным для всех». Боги помогали грекам понять не только окружающий мир, но и самих людей. «Познай самого себя», — ведь так говорил им оракул, а это был первый шаг к самоуправлению.

От мифа к истории

В бронзовом веке (3000–1000 до н. э.) существовали три великие «греческие» цивилизации: кикладская, минойская и микенская. Именно минойской цивилизации Европа обязана мифом о своем основании. Согласно легенде, финикийская принцесса по имени Европа отправилась собирать цветы, а ее заметил любвеобильный Зевс и, приняв образ могучего быка — Тавра, на спине увез в Грецию, где сделал своей женой. Она стала первой царицей Крита и матерью царя Миноса, от имени которого произошли слова «минойский» и «Минотавр». Зевс так ее любил, что поместил на небе созвездие в виде себя в образе быка; это созвездие называют Тельцом.

Во времена минойской цивилизации (2700–1400 до н. э.) остров Крит, видимо, был населен мирными земледельцами и торговцами. Статуэтки тех времен изображают могучих женщин-священниц со змеями в руках; размерами они, как правило, больше своих более смуглых «напарников»-мужчин. Искусные фрески из минойского поселения

Акротири на острове Тира (Санторини) изображают морскую цивилизацию, ориентированную на рыболовство, празднества и торговлю.

Обезьяны из Акротири

Как далеко забирались минойцы-торговцы? Точного ответа нет до сих пор. На фресках, обнаруженных в Акротири, изображены обезьяны с s-образными хвостами, очень похожие на серых лангуров, обитающих в долине Инда. В то время, когда минойцы возили со своего острова товары класса люкс, например пурпурную краску, для получения которой в водах близ Крита специально разводили моллюсков, на берегах Инда процветала богатая Харапская цивилизация. Мог же какой-нибудь минойский купец отвезти груз таких слизней на восток и вернуться обратно с обезьянами?

Минойские хвостатые обезьяны. Фреска из Акротири, ок. XVII в. до н. э. Музей Тиры доисторического времени
© *Wikimedia Commons, Zde*

Микенская цивилизация была совершенно иной. Она зародилась около 1700 г. до н. э., когда ахейцы, кочевой народ из восточных степей, двинулись на юг и обосновались на полуострове Пелопоннес, соединенном с материковой частью Греции узкой полоской земли – Коринфским перешейком, который они называли Истм. Их общество было строго иерархическим, имело военную элиту – так называемых всадников, строило укрепленные поселения, самыми известными из которых были Микены и Тиринф. Греки, пришедшие позже, дали распространенному здесь стилю кладки название «циклопическая»: им казалось, что такие огромные камни могут двигать лишь гиганты. В какой-то момент микенцы обратили взоры к морю и вошли в контакт с минойцами, а те уже познакомили их с выгодами торговли.

Около 1600 г. до н. э. минойскую цивилизацию погубило катастрофическое извержение вулкана на острове

Тира, и под его пеплом исчезли обезьяны Акротирри. А Микенское государство все так же процветало и в XII в. до н. э. достигло пика развития: микенцы расселились по всему побережью Эгейского моря, вплоть до Малой Азии. «Словно муравьи или лягушки вокруг болота»¹, — написал Платон в диалоге «Федон» почти через тысячу лет.

Кораблекрушение и письмо

Летом 1982 г. Мехмед Закир, молодой ловец губок из поселка Ялыкавак, близ турецкого Бодрума, по чистой случайности обнаружил место одного из самых известных в истории кораблекрушений. Судно XIV в. до н. э., видимо, затонуло по пути из какого-то левантинского порта в Грецию, везя массу предметов роскоши для Микенского дворца: от зубов африканского гиппопотама до ювелирных изделий из Ханаана. Греческий Пелопоннес находился в самом сердце торговой сети, соединившей две великие цивилизации — Египет и Месопотамию (а может, и Индию, если только хвосты обезьян из Акротирри не врут).

Среди прочего, на месте кораблекрушения обнаружилась самшитовая табличка с загадочным линейным письмом Б. Его дешифровал британский архитектор и лингвист-самоучка Майкл Вентрис (правильность была подтверждена в 1952 г.), основываясь на подготовительной работе, проделанной Алисой Кобер, историком из Нью-Йорка. В 1930-х гг. она начала изучать образцы критского письма, которые находили на обожженных табличках во дворцах по всему Пелопоннесу. Овладев хеттским, аккадским, староирландским, тохарскими, шумерским, древнеперсидским, баскским и китайским

¹ Перевод С. П. Маркиша.

языками, Кобер собрала целую базу данных в сорока записных книжках, на 180 000 карточек. Во время войны она приспособила для этого пачки из-под сигарет¹, потому что тогда бумагу распределяли по строгим нормам. После смерти Кобер, используя ее труды и призвав на помощь собственную смекалку, Вентрис в 1952 г. дешифровал письмо и назвал его микенской формой греческого языка.

Значками и идеограммами линейного письма Б чаще всего записывали сведения торгового характера, например информацию о доставке шерсти и зерна покупателям. Они свидетельствуют о беспорном таланте к организованной торговле, которая, вероятно, велась даже с Индией.

Табличка с линейным письмом, обгоревшая (и благодаря этому сохранившаяся) в пожаре, уничтожившем Пилосский дворец около 1200 г. до н. э.

Национальный археологический музей Афин (PY Ub 1318)

© Wikimedia Commons via Flickr, Sharon Mollerus

¹ Алиса Кобер была заядлой курильщицей и умерла от рака в 1950 г., в возрасте 43 лет. — *Примеч. автора.*

Илиада и Одиссея

Две эпические поэмы Гомера подобны двум узловым станциям на пути греков от мифа к истории. Их действие разворачивается в самом конце бронзового века, когда микенцы вполне могли контактировать с могущественным Хеттским царством, западным форпостом которого, видимо, была Троя (Илион). Город, расположенный на эгейском побережье современной Турции, не очень далеко от нынешней границы с Грецией, конечно же был желанной целью для набегов.

Действие Илиады охватывает последние, решающие недели десятилетней осады Трои, когда греки, казалось, безнадежно проигрывали войну. Все изменилось, когда полубога Ахиллеса — единоличное воплощение того, что мы называем блицкригом — уговорили, наконец, прервать самый длинный из известных в литературе припадков хандры и присоединиться к воюющим. Его гнев был обращен на царя Микен Агамемнона: тот опозорил Ахиллеса тем, что отобрал у него пленницу, Брисеиду, которую он добыл в предыдущем бою.

В конце концов Ахиллес вышел из шатра, но не потому, что Агамемнон принес ему извинения, а потому, что горел жадной мести за гибель лучшего друга, Патрокла, павшего от руки прославленного троянца, Гектора. Как и в других эпизодах поэмы, здесь в дело вмешались боги, но весьма непредсказуемо, в полном соответствии с прихотливыми перипетиями отношений, бытовавших на горе Олимп. Они похожи на супердержавы, которые ведут между собой прокси-войну, используя столкновения небольших государств.

Ахиллес пролил потоки крови, осуществляя свою месть, и в припадке горя и ярости поглумился над трупом Гектора. Почти сразу же после этого к нему в шатер

пришел безутешный отец последнего, царь Трои Приам, и стал умолять Ахиллеса отдать ему тело сына. Совершенно неожиданно в том проснулась жалость, и он выполнил просьбу старика.

Совсем не так в изложении Одиссеи. Куда более человечно и задушевно она рассказывает о полном опасностей возвращении Одиссея из Трои на свой маленький остров Итака. На пути ему встречаются морские чудовища, водовороты, волшебницы и людоеды, еще он сталкивается с гневом бога морей, Посейдона, а в самом конце — еще с одним противоборством: его жены Пенелопы домогаются аж сто восемь пылких ухажеров. Одиссей побеждает (и убивает их всех) в состязании по стрельбе из лука и возвращает себе жену вместе с царством.

В чем значение двух историй? Об этом написаны миллионы слов, но, пожалуй, все можно свести к тому, какой ответ дают они на один простой вопрос: кто решает нашу участь — боги или мы сами?

Первое слово Илиады — «гнев» (*mḗivn*, *минин*), и почти все ее около 15 700 строк — в той или иной мере гимн гневу. Однако сюжет делает крутой поворот, и гнев уступает место горю и жалости (тот эпизод, когда Ахиллес позволяет Приаму забрать тело сына и похоронить его как подобает). Ведь это значит, что Ахиллес забывает о своем божественном происхождении и берет на себя труд сделаться человеком, то есть на себе испытать, что такое горе и жалость. В начале поэмы он прежде всего сын морской нимфы Фетиды, и в нем больше божественного, чем человеческого. В конце перед нами простой смертный сын своего смертного отца, Пелея, способный понять горе другого отца. Время богов прошло; пришло время человека.

В центре более поздней Одиссеи находятся именно люди. Она повествует о цепи опасных приключений, в ко-

торые попадает герой на пути к желанному дому. Поэма отражает то время, когда греки расселялись в пределах известного им мира. Тогда наступила необходимость понять, что это, собственно, такое — быть греком.

В любом случае, создал ли эти две поэмы конкретный автор, некто Гомер, или они стали плодом коллективного народного творчества, в VI в. до н. э. уже существовал более или менее окончательный текст. Их бесчисленное количество раз исполняли на празднествах и важных общественных событиях, например по несколько вечеров подряд на Олимпийских играх. В обеих поэмах рассказывается, как греки учились брать на себя ответственность за свой мир. Обе закладывают основы их политической мысли, которая потом сыграет решающую роль в возникновении системы, выстроенной на соучастии.

Милман Парри (1902–1935)

То, что Гомер творил в устной форме, точно установил эксцентричный ученый — американец Парри Милман. На Балканах Милман собрал великолепные фольклорные материалы, слушая, как традиционную поэзию исполняют под аккомпанемент однострунных гуслей (потом он и сам читал образцы под звездным небом своей долготерпеливой семье). Он открыл секреты устного творчества. Такие устойчивые словосочетания, как *ῥοδοδάκτυλος Ἦώς* («с перстами пурпурными Эос»¹) или *πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς* («Ахиллес быstroногий»²), служили для сохранения метрики стиха и помогали выстраивать композицию импровизации.

¹ Перевод В. А. Жуковского.

² Перевод Н. И. Гнедича.